

Отчёт по результатам экспертного опроса

Роль Турции в геополитическом окружении Израиля

Май 2026 · Think Tank «Дор Мория»

Контекст

Опрос проведён в мае 2026 года. Одиннадцать экспертов — от левых светских до правых религиозных — независимо ответили на письменный опросник из пятнадцати вопросов о роли Турции в региональной архитектуре, сложившейся после октября 2023 года. Фокус опроса — конкретные механизмы влияния Анкары на ближайший геополитический периметр Израиля: тюркская солидарность и Организация тюркских государств, греко-турецкий узел в Восточном Средиземноморье, позиционирование Турции в НАТО, роль Анкары в посткризисном урегулировании в секторе Газа.

Элементы рамки опроса: присоединение Казахстана к расширенной рамке Авраамических соглашений (конец 2025); блокировка Израилем включения турецкого контингента в Международные силы стабилизации (ISF) в Газе на февральском саммите Совета мира (2026); институциональная природа ОТГ, Шушинская декларация и союзническая связка Турция–Азербайджан; греко-турецкие споры и формат Израиль–Греция–Кипр; членство Турции в НАТО; турецкое торговое эмбарго против Израиля (2024); контакты Анкары с руководством ХАМАС; конкуренция сетевого формата «Гексагон» (Израиль, Греция, Кипр, ОАЭ, Индия) и инклюзивной модели Совета мира.

Панель экспертов

№	Специализация	Политическая позиция	Религиозный профиль
1	Политолог	Левые	Светский
2	Политолог	Право-консервативные, традиционалист	Традиционный
3	Историк международных отношений	Центристские	Светский
4	Эксперт по международным отношениям	Право-консервативные, суверенист	Религиозный
5	Экономист-международник	Центристско-прагматичные	Светский
6	Эксперт по национальной безопасности	Право-консервативные, нац.-религиозные	Религиозный
7	Эксперт по национальной безопасности	Центристские	Светский
8	Социолог	Левые	Светский
9	Юрист (международное право)	Левоцентристские	Светский
10	Публицист	Правые, традиционалист	Традиционный
11	Религиовед	Центристские	Религиозный

Ответы сведены анонимно, цитаты приведены близко к исходным формулировкам.

Блок I. Тюркская солидарность в системе региональных координат

Q1. Многовекторность Казахстана: ОТГ и Авраамическая рамка

Эксперт №1, политолог: «Базовый сценарий — А (инерционный) с дрейфом в сторону Б. Прагматичное разведение треков сохранится, но высоковидимые многосторонние позиции будут приглушены. Это "Б-lite": не заморозка, а снижение публичности. Израильский трек Казахстана экономико-технологический и структурно отвязан от политической оси Турция–Израиль».

Эксперт №2, политолог: Сценарий А. «Казахстан будет удерживать экономико-технологический трек с Израилем и ОАЭ, одновременно развивая политико-культурное и оборонно-промышленное сотрудничество с Турцией в рамках ОТГ. Это соответствует казахстанской традиции многовекторности: не выбирать лагерь, а повышать цену собственного геополитического согласия».

Эксперт №3, историк: Сценарий А. «Казахстан не станет жертвовать реальными выгодами от Авраамического процесса ради идеологических амбиций Анкары. Исторический опыт показывает, что центральноазиатские элиты успешно сопротивлялись любым попыткам превратить ОТГ в жёсткий надгосударственный блок».

Эксперт №7, эксперт по нацбезопасности: «Сценарий А с элементами Сценария Б. Казахстанское участие в Авраамической рамке изначально задумывалось именно как экономико-технологическое, а не политическое или ценностное. Это делает его относительно устойчивым к давлению тюркской солидарности».

Эксперт №8, социолог: «Сценарий А, но с отдельными элементами сценария Б. Астана будет разделять треки: экономика, технологии, водные решения и инвестиции — с Израилем, США и ОАЭ; идентичностная дипломатия, безопасность и культурная интеграция — с Турцией и ОТГ».

Эксперт №11, религиовед: Сценарий А. «Устойчивость участия Казахстана я оцениваю как умеренно высокую, но не безусловную: Израиль, ОАЭ и Авраамическая рамка — для технологий, инвестиций, логистики; Турция и ОТГ — для идентичностной политики и символического статуса в тюркском мире».

Эксперт №4, эксперт по МО: Сценарий Б (консервация). «Наиболее вероятен сценарий консервации: формальное сохранение участия при снижении операционной видимости. Модель "членство сохраняется, плотность активности уменьшается" представляется наиболее реалистичной».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: Сценарий Б. «Интеграция Казахстана в расширенную Авраамическую рамку носит инструментальный, а не ценностный характер. Это партнёрство структурно хрупко. Казахстанская элита будет стремиться к минимизации публичной аффилиации с платформой без формального выхода из неё».

Эксперт №9, юрист: Сценарий Б. «Эта рамка лишена обязывающей юридической архитектуры. Участие Казахстана носит преимущественно сигнальный характер и устойчиво ровно настолько, насколько его поддерживает текущий прагматический расчёт».

Эксперт №10, публицист: «Прочность участия я оцениваю как низкую по содержанию и высокую по форме. При первом же громком столкновении Турции и Иерусалима казахстанская активность в Авраамической рамке тихо обнулится — без выхода, без заявлений, просто понижением уровня и паузой».

Распределение выбора сценариев:

А (часто с оговоркой о дрейфе в Б) — №1, 2, 3, 7, 8, 10, 11;

Б (консервация) — №4, 6, 9;

В (выход) — ни один.

Q2. Азербайджан в треугольнике Анкара — Баку — Иерусалим

Эксперт №1, политолог: «Связка Баку–Иерусалим — самая твёрдая константа региона, потому что она экзистенциально-материальна. "Одна нация — два государства" — риторика; отношения с Израилем — это возможности, которые Турция заместить не может. Сместить приоритет способна только иранская переменная».

Эксперт №10, публицист: «Партнёрство Баку с Иерусалимом — экзистенциальная константа, а не конъюнктура. Оно держится на иранском факторе. Турция не может предложить Баку того, что даёт Израиль, — глубину оборонно-технического и разведывательного прикрытия против Ирана».

Эксперт №3, историк: «Предел прочности очень высок, поскольку израильские поставки вооружений и координация в сфере безопасности не имеют адекватной и быстрой альтернативы для Баку. При системном давлении партнёрство уйдёт в "серую зону" — станет более непубличным».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Полный разрыв крайне маловероятен: Израиль является страховочным вектором Баку против как иранской угрозы, так и возможной российской реваншистской логики на Кавказе».

Эксперт №7, эксперт по нацбезопасности: «Баку изберёт модель "заинтересованного нейтралитета" с тактическим дистанцированием. Полное свертывание нереалистично: израильские системы ПВО и БПЛА являются критическим элементом азербайджанской обороноспособности, и Анкара это знает».

Эксперт №4, эксперт по МО: «Азербайджан — это не "колеблющееся звено", а двойной стратегический узел. Давление может изменить форму, но не обязательно сущность кооперации».

Эксперт №11, религиовед: «Баку выберет тактику риторического выравнивания в пользу Турции, но не стратегического демонтажа отношений с Израилем. Шущинская декларация одновременно говорит о союзничестве и об независимой внешней политике».

Q3. Институциональная состоятельность ОТГ

Эксперт №3, историк: «На современном этапе ОТГ остаётся преимущественно платформой символического капитала и "мягкой силы", нежели наднациональным регулятором. Реальное влияние — логистика и коридоры; декларации — безопасность и общая оборонная политика».

Эксперт №1, политолог: «ОТГ примерно на 70% церемониальна и на 30% реальна, причём реальная часть узко логистическая. Это саммитовая платформа с тонким секретариатом».

Эксперт №9, юрист: «ОТГ находится в промежуточной категории между "клубом" и "мягким режимом". Нет механизма принятия обязывающих решений, нет механизма разрешения споров.».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «ОТГ является прежде всего платформой утверждения общей тюркской идентичности с ограниченным операционным мандатом».

Эксперт №10, публицист: «ОТГ — это церемониальная платформа с амбицией стать механизмом, но не механизм. 80% символического капитала и 20% реальной регуляторной субстанции».

Ранжирование инструментов турецкого влияния (порядок, общий для большинства): прямая двусторонняя дипломатия и оборонные контракты → образовательные и социокультурные сети (Maarif, Юнус Эмре) → многосторонняя платформа ОТГ → Diyanet и религиозная дипломатия.

Эксперт №7, эксперт по нацбезопасности: «Наиболее действенный инструмент — прямая двусторонняя дипломатия и оборонные контракты: азербайджанский прецедент с БПЛА Bayraktar является именно этим видом влияния, а не мягкой силой».

Эксперт №10, публицист (отдельная позиция по ранжированию): «Институты религиозной дипломатии (Diyanet) работают вдолгую, через религиозное поле; влияние на общества выше, чем на элиты» — ставит Diyanet выше образовательных сетей.

Q4. Структурные ограничения турецкого влияния

Выбор факторов (два-три):

Фактор	Выбрали
Суверенный прагматизм Астаны и Баку	№1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11
Асимметрия экономических ресурсов Турции	№2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11
Многовекторный баланс и внешняя зависимость	№1, 2, 3, 4, 8, 9, 11
Специфика партнёрства Баку и Иерусалима	№1, 2, 6, 7, 10 (как дополнительный — №8, №11)

Эксперт №1, политолог: «Суверенный прагматизм — мастер-ограничение. Постсоветские элиты строили государственность именно ради недопущения делегирования суверенитета. У Турции нет капитальной базы, чтобы конвертировать культурную близость в зависимость».

Эксперт №4, эксперт по МО: «Турция сильна как политико-символический лидер и как поставщик конкретных оборонных решений, но значительно слабее как универсальный компенсатор потерь, которые могли бы возникнуть у Астаны или Баку в случае резкой ревизии отношений с Израилем, ЕС или иными акторами».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Анкара, предлагая "тюркский дом", сталкивается с тем, что потенциальные партнёры идентифицируют себя прежде всего

как казахстанцы и азербайджанцы, а не как турки. Азербайджано-израильское сотрудничество существует вопреки тюркским предпочтениям, и Турция физически не способна предложить аналог: у неё нет технологий уровня Rafael или Elbit, нет разведывательного партнёрства, нет иранского "сдерживающего зонтика", который Израиль де-факто обеспечивает для Баку».

Блок II. Восточно-средиземноморский трек

Q5. Эффективность механизмов ЕС в сдерживании Анкары

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Оценка низкая с точки зрения операционных результатов. ЕС не ввёл действенных санкций против Турции за нарушения в восточном Средиземноморье. Турция умело использует миграционный рычаг, членство в НАТО, нарратив "незаменимого партнёра"».

Эксперт №9, юрист: «Демарши Афин производят декларативный, а не операциональный результат. Механизм статьи 29 ДФЕС применительно к Турции постоянно блокируется консенсусной процедурой Совета. Реальные рестрикции были введены лишь в отношении конкретных физических лиц».

Эксперт №10, публицист: «Иерусалиму не следует делать ставку на то, что Брюссель что-то "доставит". ЕС — источник партнёров (Греция, Кипр), а не источник давления на Турцию».

Эксперт №8, социолог: «Израиль должен учитывать, что его собственная политика в Газе резко снижает готовность части европейских обществ воспринимать его как "нормативного" партнёра против Турции».

Окна возможностей для Израиля (общая линия): энергетика (восточноредиземноморский газ, интерконнектор, ИМЕС), оборонные поставки Греции и Кипру, разведывательное взаимодействие — в обход Брюсселя, а не через него.

Q6. Пределы партнёрства Израиля и Греции

Эксперт №3, историк: «Концепция единой "антитурецкой оси" преувеличена. Это не пакт о взаимной обороне, а совпадение тактических интересов».

Эксперт №10, публицист: «Концепция "общей антитурецкой стратегии" переоценена. Греция не пойдёт на войну за Израиль, Израиль — за Грецию. Это ось удобства, а не альянс крови».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Израиль не заинтересован в том, чтобы публично позиционироваться как "антитурецкая" держава — это сужает его дипломатическое пространство. Греция не хочет, чтобы Израиль "приватизировал" её конфликт с Анкарой».

Эксперт №1, политолог: «Интересы параллельны, а не комплементарны в сильном смысле. Израиль не подчинит собственную турецкую калькуляцию интересам Афин; он держит каналы к Анкаре открытыми».

Эксперт №11, религиовед: «Корректнее говорить о глубоком секторальном стратегическом партнёрстве. Верхний предел — там, где от Израиля ожидается автоматическое вовлечение во все греко-турецкие споры».

Q7. Жизнеспособность антитурецких коалиций в Европе

Эксперт №1, политолог: «Низкая как институционализированного блока. Без триггера — коалиция обиженных, а не коалиция готовых».

Эксперт №2, политолог: «Жизнеспособна только как issue coalition, а не как устойчивый блок. Германия и Италия не мыслят Турцию так же, как Греция и Кипр».

Эксперт №4, эксперт по МО: «В среднесрочной перспективе маловероятна. Турция слишком проблемна, чтобы ей доверять, и слишком важна, чтобы её изолировать».

Эксперт №7, эксперт по нацбезопасности: «Устойчивость определяется французским фактором: Макрон или его преемник могут в любой момент сделать ставку на нормализацию с Анкарой ради Европейской стратегической автономии».

Триггеры неизбежности (общая линия): прямой военный инцидент Турции с Грецией или Кипром; срыв крупного инфраструктурного проекта ЕС; блокирование Турцией критического решения НАТО.

Блок III. Позиционирование Турции в НАТО

Q8. Девиации внешней политики Анкары от атлантического курса

Выбор направлений (два-три):

Направление	Выбрали
Инструментализация права вето в НАТО	№1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11
Институциональный патронаж над исламистами (ХАМАС, «Братья»)	№3, 4, 6, 7, 8, 9, 10
Особый характер отношений с РФ (С-400, F-35, СААТSA)	№1, 2, 4, 8, 9, 10, 11
Региональный ревизионизм на Ближнем Востоке	№2, 6, 7, 8
Суверенная проекция силы (Сирия/Ливия)	№1
Эскалация споров с Грецией/Кипром	№2 (доп.), №11

Право вето выбрано чаще всего (8), но именно институциональный патронаж над исламистами чаще всего отмечается как наиболее критический для Израиля направление (Приоритет 1 у №6, №7, №10).

Эксперт №10, публицист: «Эрдогановская Турция — это неоосманский ревизионистский проект, прикрытый натовским членством. Анкара системно опекает "Братьев-мусульман" и ХАМАС: политическоекрытие, логистика, медийный ресурс».

Эксперт №4, эксперт по МО: «История с С-400 и последующим исключением Турции из программы F-35 стала наиболее наглядной точкой конфликта между турецким суверенизмом и атлантической стандартизацией».

Эксперт №3, историк: «Израиль имеет ограниченные рычаги прямого влияния внутри НАТО, но может эффективно использовать эти девиации в Вашингтоне, укрепляя позиции произраильского лобби в Конгрессе США».

Эксперт №11, религиовед: «Ему невыгодно добиваться окончательного стратегического разрыва Турции с НАТО, потому что это увеличило бы автономность Анкары и снизило бы внешние ограничения на её поведение».

Q9. Стратегия Администрации США в отношении Турции

Эксперт №9, юрист: «В 2026 году эти пределы невысоки. СААТSA — обязывающий закон, но его имплементация остаётся дискреционной прерогативой исполнительной власти, и Трамп системно не использовал этот механизм».

Эксперт №10, публицист: «Маятниковая динамика сама по себе — структурная уязвимость. Иерусалим не может рассчитывать на Вашингтон как на сдерживатель Анкары. Единственный вывод: строить собственную сдерживающую конфигурацию».

Эксперт №1, политолог: «Маятник дестабилизирует именно потому, что Израиль не может рассчитывать на Вашингтон как на дисциплинирующую Анкару силу. Израилю необходимо страховаться через собственные двусторонние связи, а не полагаться на американское давление».

Эксперт №8, социолог: «Вашингтон может обменять часть израильских возражений на турецкое сотрудничество по Газе, Сирии или НАТО».

Эксперт №5, экономист: «Инфляция выше 30%, ставка 37%. При таком фоне внешняя политика неизбежно становится инструментом внутренней экономики: больше символической конфронтации, меньше желания дорого платить за идеологическую максималистскую линию».

Блок IV. Роль Турции в посткризисном урегулировании в Газе

Q10. Прочность израильского вето на военное присутствие Турции

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Высокая. Это одна из немногих позиций, по которым в Израиле существует широкий политический консенсус, выходящий за рамки коалиции. Турецкий военный контингент в Газе воспринимается как экзистенциальная угроза».

Эксперт №1, политолог: «Умеренно устойчиво, но эрозирует. Турция остаётся вне военного компонента, но закрепляется в гражданско-логистическом. Израиль выигрывает символический бой и проигрывает долгую игру за влияние».

Эксперт №10, публицист: «Вето на турецкие сапоги в Газе — красная линия, и сегодня она держится. Но Турция входит через заднюю дверь — гуманитарные, логистические и религиозные функции. Именно мягкий вход, а не танки, — реальная угроза».

Эксперт №4, эксперт по МО: «Нет турецкому hard-security присутствию, но да — расширению soft-access роли, если этого требует внешнее давление».

Условия пересмотра (общая линия): скоординированное давление США, гуманитарный коллапс при дефиците альтернативных контингентов, переупаковка мандата в гражданско-полицейский формат.

Q11. Конвертация инфраструктурных функций в политический капитал

Эксперт №1, политолог: «Контр-финансирование со стороны стран Залива, а не израильские вето, — главное ограничение. Diyanet/TDV строят патронаж, а не благочестие».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Высокая в горизонте 3–5 лет. Алгоритм: гуманитарный вход → образовательная инфраструктура → религиозные институты → политическая лояльность населения → рычаг давления на местные элиты».

Эксперт №8, социолог: «Если Израиль будет действовать только запретительно, Турция сможет капитализировать образ "заблокированного благотворителя". Более эффективная контрстратегия — создание альтернативной, прозрачной, нерелигиозной инфраструктуры восстановления».

Эксперт №10, публицист: «"Мягкие" функции — образование, мечети, гуманитарная опека по линии TDV и Diyanet — не вспомогательная роль, а троянский конь. Анкара не "помогает" — она занимает поле».

Эксперт №11, религиовед: «С точки зрения религиоведа, именно здесь проходит одна из наиболее недооцениваемых границ между "социальной помощью" и "политическим присутствием". Религиозная и гуманитарная инфраструктура не должна превращаться в суррогат геополитического протектората».

Q12. Конкуренция архитектур: «Гексагон» vs «Совет мира»

Эксперт №2, политолог: «Наиболее вероятен прагматичный симбиоз. Совет мира — официальная, легитимная макро-рамка; "Гексагон" — неформальный "клуб по интересам" в сфере оборонно-технического и разведывательного взаимодействия».

Эксперт №1, политолог: «Гексагон ближе интересам Израиля, но у него ниже индекс реализуемости. Совет мира реализуемее, но включает акторов, которых Израиль хочет исключить. Вероятный исход — не вытеснение, а параллельное сосуществование».

Эксперт №9, юрист: «Двухслойная архитектура воспроизводит устоявшийся паттерн: неформальные "клубы" (G7, Quad) функционируют внутри формальных институтов, не разрушая их».

Эксперт №10, публицист: «Сосуществование конкурентное, а не симбиотическое. Практический императив для Иерусалима — приоритизировать "Гексагон" и жёстко сопротивляться расширению турецкой и катарской роли в Совете мира».

Блок V. Интегральные оценки и форсайт до 2030 года

Q13. Иерархия угроз турецкого присутствия

Ранжирование по экспертам (1 — максимальная угроза, 6 — минимальная). Векторы: ПП — идеологический и прокси-патронаж; ГМ — мандат в архитектуре Газы; ВТ — военно-техническая проекция; ВИ — Восточный Иерусалим; ПТ — пантюрский вектор; СК — социокультурное влияние на арабских граждан.

Эксперт	1	2	3	4	5	6
№1 политолог	ПП	ВТ	ГМ	ВИ	СК	ПТ
№2 политолог	ПП	ГМ	ВТ	ВИ	СК	ПТ
№3 историк	ПП	ВТ	ГМ	ВИ	СК	ПТ
№4 эксперт по МО	ПП	ВИ	ГМ	ВТ	ПТ	СК
№6 нацбезопасность	ПП	ГМ	ВТ	ВИ	СК	ПТ
№7 нацбезопасность	ПП	ГМ	ВТ	ВИ	ПТ	СК
№8 социолог	ПП	ГМ	ВИ	ВТ	СК	ПТ
№9 юрист	ПП	ГМ	ВТ	ВИ	ПТ	СК
№10 публицист	ПП	ВИ	ГМ	СК	ВТ	ПТ
№11 религиовед	ПП	ГМ	ВИ	ВТ	ПТ	СК

Эксперт №10, публицист: «Я выстраиваю иерархию по тому, насколько угроза бьёт в нерв еврейского суверенитета. То, что касается Иерусалима, ХАМАС и арабского населения внутри страны, важнее того, что касается турецких фрегатов в Эгейском море».

Эксперт №1, политолог: «Реалист дисконтирует неоосманистскую "soft power"-панику. Прямую угрозу несут возможность, прокси и политика вокруг Газы. Пантюрский вектор как угроза Израилю переоценён».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Турция является ключевым политическим прикрытием и ресурсным узлом для ХАМАС. Это прямой вектор насилия против Израиля».

Q14. «Слепые зоны» израильской аналитики

Эксперт №3, историк: «Колоссальное влияние турецкого светского культурного экспорта (сериалы, медиапродукция) на арабское население Израиля. Это формирует подспудное долгосрочное сочувствие турецкой геополитической модели вне религиозного контекста».

Эксперт №9, юрист: «Правовая война (lawfare) как инструмент Анкары — МУС, Генеральная Ассамблея ООН, Международный суд ООН. Этот вектор системно недооценивается как "декоративный", хотя имеет реальные долгосрочные последствия».

Эксперт №1, политолог: «Сирийский рычаг Турции после Асада. Именно здесь реально живёт риск прямого военного инцидента — а не в Газе, на которой зациклен анализ. Контрмера: выделенный канал деконфликтинга».

Эксперт №7, эксперт по нацбезопасности: «Турецкое военно-морское позиционирование в Красном море и Аденском заливе — база в Могадишо, потенциально в Ливии — создаёт инфраструктуру проекции мощи в направлении Эйллатского залива».

Эксперт №11, религиовед: «Первая зона — религиозно-гуманитарная инфраструктура как накопительный, а не одномоментный политический капитал: сети благотворительности, образование, восстановление святынь, кадры проповедников. Вторая — способность Турции работать не через доминирование, а через право мешать: задерживать, удорожать, блокировать, выторговывать уступки. Третья — выживаемость прагматических экономических связей даже на фоне резкой политической враждебности, что делает часть отношений устойчивее, чем кажется по риторике».

Эксперт №10, публицист: «"Мягкий" троянский конь — религиозно-благотворительная инфильтрация (Diyanet, TKA, TDV) в Восточном Иерусалиме. Это не теракт, это сети, вакфы, школы, стипендии, мечети».

Эксперт №8, социолог: «Легитимность как ресурс безопасности. Турция способна усиливаться там, где Израиль воспринимается не как государство с политикой, а как структура контроля и унижения».

Q15. Форсайт-прогноз: траектории отношений к 2030 году

Эксперт №1, политолог: «Наиболее вероятно — холодная функциональность с сирийским досье как главным риском разрыва».

Эксперт №2, политолог: «Полный разрыв маловероятен, стратегическое доверие также маловероятно. Торговля сохранится там, где она экономически выгодна и политически маскируема».

Эксперт №3, историк: «Состояние "холодного мира 2.0" или контролируемого функционализма. Посольства будут функционировать на уровне временных поверенных. Торговый оборот восстановится через обходные схемы».

Эксперт №5, экономист: «Режим разнесения треков по отдельным отсекам: политико-идеологическая враждебность сохранится, но экономические каналы будут дробиться — часть уйдёт в косвенные маршруты через третьи страны».

Эксперт №6, эксперт по нацбезопасности: «Дипотношения на уровне поверенных, свёрнутые прямые торговые потоки, активное функционирование неформальных каналов. Обе стороны получают политические дивиденды от демонстративной враждебности при реальном избегании разрыва».

Эксперт №9, юрист: «"Управляемая враждебность" — термин концептуально точный: он фиксирует одновременно реальное соперничество и структурную заинтересованность в предотвращении прямой конфронтации».

Эксперт №11, религиовед: «Формальное дипломатическое отношение сохранится, но уровень политического доверия останется низким; неформальные и разведывательно-технические каналы deconfliction не исчезнут».

Триггеры нормализации (общая линия): смена власти в Анкаре; снятие/нормализация иранской угрозы; крупная сделка под посредничеством США; вынос ХАМАС из центральной повестки.

Триггеры конфронтации (общая линия): турецкое военное закрепление в Газе; морской или воздушный инцидент в Восточном Средиземноморье; доказуемое содействие ХАМАС; кризис вокруг Восточного Иерусалима и Аль-Аксы; военный инцидент в Сирии.